

Самир Айдын оглы АБДУЛЛАЕВ

Межрегиональная Академия управления персоналом, г. Киев

СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Наукові праці МАУП, 2010, вип. 2(25), с. 259–265

С распадом Советского Союза и увеличением числа прикаспийских государств до пяти встал вопрос о принятии нового документа по правому статусу Каспия, которым могла бы стать Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. По взаимной договоренности Конвенция может быть принята на основе консенсуса прикаспийских государств.

Политическая погода на Каспийском море, используя специфическую терминологию, перешла из состояния шторма в предштормовую. Закончилась стабильность компромисса. Дело в том, что в течение длительного времени СССР и Иран были единственными прибрежными государствами в Каспийском бассейне. В течение 70 лет геополитические интересы полунезависимых прикаспийских республик игнорировались. Ситуация изменилась после демонтажа СССР и правовых механизмов, созданных им в регионе. Проблема Каспийского моря приобрела острый характер лишь на рубеже XX ст. Вот что писал по этому поводу заместитель министра иностранных дел Туркменистана Е. Кепбанов: “Очевидно, что изменение геополитической ситуации и возникновение новых независимых государств в Каспийском регионе предопределили новое соотношение интересов”. Это и привело, как отмечает автор, “к необходимости серьезных изменений в международных отношениях в Каспийском регионе” [1]. После распада СССР возникли новые субъекты международного права. На берегах Каспия началась история независимых государств — России, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Каспийское море в постсоветское время приобрело пятерых хозяев [2].

Сотрудничество и соперничество прикаспийских государств в процессе определения международно-правового статуса Каспийского моря

Международные отношения, складывающиеся в районе бассейна, и переговоры по пробле-

мам Каспийского моря, особенно по поводу определения его международно-правового статуса, условно можно разделить на три этапа. Первый этап охватывает 1991–1994 гг. Его можно назвать периодом разведки, ознакомления и поиска взаимоприемлемого варианта решения проблемы. Второй этап приходится на 1995–1999 гг. В эти годы сформировались реальные взгляды и подходы, прошла серия серьезных многосторонних встреч и конференций, на которых обсуждались позиции по статусу Каспия и другим вопросам. Последний, третий этап начался с января 2000 г., то есть момента выхода на политическую арену нового руководителя российского государства В. В. Путина.

Первый этап многосторонних переговоров 1991–1994 гг.

В этот период прикаспийские государства, а также заинтересованные страны — США, Турция, Китай, страны Западной Европы и др. — увидели в Каспийском море в перспективе один из главных источников энергоносителей. К региону стали внимательно присматриваться, изучать вопросы, связанные с историческими, политическими, географическими, экономическими и юридическими аспектами оценок своих и чужих возможностей в формирующемся геополитическом поле. Определение его статуса сразу же стало ключевым вопросом. Формирование и выявление позиций исходило из интересов различных стран [3]. Одновременно начался процесс формирования приоритетов прикаспийских государств. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан стали особенно

внимательны ко всем вопросам, возникающим в этой сфере. Прикаспийские государства попеременно начали выдвигать различные идеи относительно изучения статуса и решения вопросов использования ресурсов Каспия. Каждая страна при этом старалась взять в свои руки инициативу, чтобы легче было отстоять национальные приоритеты. Первой страной, проявившей активность, стала Исламская Республика Иран, тогда как Россия молча следила за развитием событий в постсоветском пространстве и в регионе, а новые прикаспийские государства только начали выдвигать в декларативной форме свои инициативы. С целью налаживания процесса коллективного изучения Каспия Иран впервые выдвинул идею об учреждении Организации по сотрудничеству на Каспийском море [4]. В принятом конференцией Коммюнике (17 февраля 1992 г.) содержался призыв к прибрежным государствам Каспийского моря создать надежный региональный механизм сотрудничества в решении вопросов, связанных с использованием Каспийского моря и его ресурсов. По мнению иранского ученого Джемшида Момтаза, предполагаемой реакции прикаспийских государств не последовало, ибо Азербайджан и Казахстан “решили действовать сообща в другом направлении” [5]. Однако, эту версию не следует считать правильной: вряд ли в те годы остальные государства не мечтали сами учредить в своих столицах организацию сотрудничества по проблемам Каспия. Более конкретный подход, — как отмечал Джемшид Момтаз, — проявился в рамках Тегеранской специальной конференции (сентябрь-октябрь 1992 г.), темой которой было учреждение международной организации, призванной урегулировать проблемы Каспийского моря. Вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря впервые был поднят именно на Тегеранской конференции пяти прикаспийских государств в октябре 1992 г., и сделала это официальная делегация Азербайджанской Республики. Тогда же в рамках коммюнике все прикаспийские государства выразили согласие на образование шести специализированных комитетов, в частности: по правовому статусу; охране окружающей среды, разработке, использованию и охране биологических ресурсов (нефти и газа); судоходству; научным исследованиям; изучению причин колебаний уровня воды в Каспийском море и контролю за этими процессами.

Однако лишь комитет по биоресурсам оказался жизнеспособным и стал разрабатывать проекты при фактическом воздействии и иници-

ативах России. Вскоре после Тегеранской конференции 1992 г. в прикаспийские страны по дипломатическим каналам был направлен проект конвенции об охране биоресурсов. В сопроводительном письме указывалось, что охрана биоресурсов Каспия настолько важна, что появилась необходимость обсуждения и решения этого вопроса на договорно-правовой основе. В 1993 г. (23–26 августа) представители прикаспийских государств собрались в иранском городе Реште для участия в межправительственной конференции по использованию и охране биоресурсов Каспийского моря [4]. Впервые в ней приняли участие также ученые-эксперты (экологи, биологи, ихтиологи, юристы и др.). В ходе конференции на обсуждение и согласование был представлен российский проект Конвенции о сохранении и использовании биоресурсов. Можно констатировать, что первое откровенное столкновение интересов и позиций прибрежных государств произошло именно в рамках Рештской конференции. К примеру, предложение Азербайджана о необходимости определения статуса Каспия в качестве “пограничного озера” было встречено в штыки со стороны делегаций России и Ирана. Правда, последняя придерживалась более умеренной позиции по отношению к Азербайджану и к его идее, при этом как хозяин мероприятия вела себя дипломатично. Полное равнодушие к обсуждаемым вопросам проявила делегация Туркменистана, которая тогда не совсем была готова к обсуждению этой идеи и выявлению своей позиции. Казахстан, обозначив понимание предложения азербайджанской делегации, обсуждать проблему тем не менее не решился по той же самой причине, что и Туркменистан. Обсудив часть статей проекта и заключив их в квадратные скобки (это означало, что они спорные и не имеют юридической силы), стороны уехали из Решты ни с чем и, более того, серьезно озадаченными. Очередная встреча прикаспийских государств произошла 14 октября 1993 г. в Астрахани. Здесь прикаспийскими государствами была предпринята попытка достигнуть компромисса о принципах разделения акватории на экономические зоны при разработке минеральных ресурсов. Казахстану было предложено выступить инициатором подготовки проекта соглашения по разработке природных ресурсов либо по правовому статусу Каспия. 1993 год завершился конференцией в Ашхабаде (8–10 декабря), где вновь был поднят вопрос о необходимости учреждения международной организации по Каспию. Тем не менее, никакой договоренности по сущес-

тву вопроса не было достигнуто. Главное событие произошло 11–12 октября 1994 г., когда полномочные представители прикаспийских государств собрались в Москве на конференцию, созванную по инициативе Российской Федерации. Цели этой встречи были связаны с желанием обсудить проекты конвенции по правовому статусу Каспийского моря, представленные Азербайджаном, Казахстаном и Россией. Азербайджанский вариант проекта конвенции был подготовлен раньше, чем казахстанский. Осенью 1993 г. его разослали всем прикаспийским государствам. Однако до начала Московской встречи никаких откликов и предложений не поступило. Накануне встречи появился и казахстанский вариант проекта конвенции по правовому статусу, распространенный также по дипломатическим каналам. Данный проект был выдвинут как альтернативный азербайджанскому и компромиссный, ибо азербайджанский вариант был признан всеми слишком жестким и зарегламентированным, тогда как казахстанцы оставили возможности для продолжения диалога прикаспийских стран, найдя гибкие формы, устраивающие всех участников. Если азербайджанский проект предлагал погранично-озерный статус, причем делимитируемый на сектора, то казахстанский рассматривал Каспий как “замкнутое море”, на которое должны были распространяться нормы конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Но, как показали дискуссии в рамках Московской встречи, казахстанский вариант также не стал компромиссным, а напротив, он был встречен со стороны России и Ирана с явной настороженностью, поскольку ставил их в сложное положение. Ни Россию, ни Иран морской вариант Каспия не устраивал, ибо они, демонстрируя верность советско-иранской договорной практике, старались избегать новых тенденций. Причина такого подхода была в следующем: если Каспий признается морем или замкнутым морем, то по отношению к нему должны применяться нормы действующего международного морского права, а также ст. 122 и 123 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В этом случае отпадала необходимость в специальном соглашении по делимитации, ибо порядок разграничения морей на соответствующие пространства осуществлялся бы автоматически, в полном соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Как известно, для озерного варианта требуется заключение прибрежными государствами дополнительного специального соглашения по международно-правовому статусу и делимитации. Заметим, что к

обсуждению не были допущены ни азербайджанский, ни казахстанский варианты. Как компромиссный вариант был рассмотрен представленный Россией проект соглашения прикаспийских государств о региональном сотрудничестве. В чем же заключались особенности этих проектов, чем они отличались друг от друга? Азербайджанский проект конвенции о правовом статусе Каспийского моря состоял из преамбулы и 12-ти статей. В преамбуле говорилось, что прикаспийские государства, сознавая важнейшую политическую, экономическую, социальную и культурную ценность Каспийской экосистемы, значение ее ресурсов для народов прикаспийского региона и всего человечества, приветствуя сотрудничество и взаимопонимание между этими государствами, должны добиться взаимопонимания в установлении правового статуса Каспийского моря. В ст. 1 приводились термины, используемые в основном тексте соглашения. Впервые в практике прикаспийских государств предлагалось конкретное определение термина “пограничное озеро”.

Согласно ст. 2 сотрудничество и деятельность прибрежных государств должны были построиться на базе основополагающих принципов международного права. Новеллой в проекте стала ст. 3, предлагающая разделить Каспийское море на соответствующие сектора в прибрежных странах. При этом делимитацию предполагалось проводить как на двусторонней, так и многосторонней основе [3]. Смысл ст. 6 заключался в том, чтобы в пределах каждого сектора Каспийского моря применять законодательство прибрежного государства, если иное не предусмотрено в международных договорах. Проект конвенции рассматривал также различные виды использования Каспия. Например, предполагалось в качестве таких видов деятельности утвердить рыболовство и рыбководство, судоходство, разработку и эксплуатацию биоресурсов, карбогидрогенов, а также полезных ископаемых, проведение научных исследований, других видов деятельности, не противоречащих национальному законодательству прибрежных государств. Вскоре после Московской встречи в Азербайджане был подготовлен второй, более совершенный вариант проекта конвенции о правовом статусе Каспия, состоящий из преамбулы и 14-ти статей. Главное различие между первым и вторым вариантами заключается в том, что последний содержит более конкретные и определенные оценки международно-правового положения Каспия. В частности, в ст. 1 даются четкие определения терминов “Каспийское море”, “сектор Кас-

пийского моря” (в первом варианте их не было). Понятие “Каспийское море” определяется как не имеющий естественной связи с Мировым океаном внутриматериковый бессточный бассейн (замкнутый водоем), который по физико-географическим условиям расположения и исходя из традиционно установившегося принципа разграничения его акватории (Россия–Иран, СССР–Иран) подпадает под правовой статус “пограничного озера”. В свою очередь, под “сектором Каспия” предлагалось понимать часть акватории, дна и недр, примыкающих к прибрежному государству, являющихся неотъемлемой частью территории прикаспийских государств, ограниченной государственной границей на водах. Согласно ст. 3 проекта конвенции “Каспийское море (пограничное озеро) разделялось на суверенные секторы, являющиеся неотъемлемой частью территории соответствующих прикаспийских государств”. Четкие предписания содержались и по отношению к делимитации границ в Каспийском море. По мнению авторов проекта, государственная граница между прикаспийскими государствами должна была проходить по срединной линии, равноудаленной от этих берегов, а при наличии островов — от условной линии, соединяющей обращенные к срединной линии берега этих островов. Кроме того, предлагалось установить государственную границу на водах между сопредельными прикаспийскими государствами по условной линии, являющейся естественным продолжением сухопутной границы, перпендикулярной к срединной линии акватории. Проект конвенции предлагал установить также внешнюю границу сектора акватории Исламской Республики Иран, которая по смыслу проекта могла быть установлена по прямой линии, соединяющей сухопутные южные государственные границы Азербайджана и Туркменистана. Представляется, что именно эти положения предопределили судьбу проекта, и он не был принят в качестве рабочего документа к обсуждению. Такая же участь постигла и проект, представленный Казахстаном. Он подготовил и представил два варианта проекта конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Существенной разницы по содержанию и смыслу трактовки основных вопросов между этими вариантами проектов не было. Однако, второй вариант был более совершенным и всеобъемлющим: основные положения в нем были разработаны и представлены в более развернутом виде, поэтому по сравнению с предыдущим в нем содержалось почти втрое больше статей.

В этом проекте более конкретно очерчена та универсальная морская правовая база, на кото-

рой предполагалось сформировать международно-правовой статус этого водного объекта. В этом проекте имелся серьезный недостаток. В частности, в ст. 17 повторялось содержание соответствующих статей договоров 1921–1940 гг. Эта статья гласит: “На всем протяжении Каспийского моря могут находиться только суда, принадлежащие сторонам, а равным образом гражданам и юридическим лицам сторон, плавающих, соответственно, под флагами республики Казахстан, Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Российской Федерации и Туркменистана” [8].

Российский проект соглашения прикаспийских стран о региональном сотрудничестве не был похожим ни на азербайджанские, ни на казахстанские варианты проектов конвенций по правовому статусу Каспийского моря. Так, по содержанию данного документа трудно судить о том, что представляет собой Каспийское море — море или озеро. Решение этого вопроса, согласно ст. 2 проекта, предполагалось отложить на неопределенное будущее: “Правовой статус Каспийского моря будет определяться отдельной Конвенцией” [9]. А взамен нового статуса Россия предлагала, чтобы до определения правового статуса Каспийского моря стороны придерживались ранее установленного правового режима (то есть положений советско-иранских договоров 1921–1940 гг.). Кроме того, этот вариант предусматривал гораздо меньше принципов сотрудничества, чем азербайджанские и казахстанские. Вместо установления международно-правового статуса Каспийского моря вновь реанимировалась идея создания международной организации — Межгосударственного совета по проблемам Каспийского моря со всевозможными комитетами и секретариатом [13]. По замыслу сочинителей этого проекта, Каспийский межгосударственный совет должен был рассматривать вопросы генеральной линии и программы действий прикаспийских стран, а также применять решения, касающиеся дальнейшего развития перспектив сотрудничества. Практически стороны призывались к тому, чтобы признать Каспий кондоминиумом. Эта идея, выраженная в виде отдельного пункта в проекте договора (российского варианта), не была поддержана Азербайджаном, а вслед за ним Казахстаном и Туркменистаном (на последующих встречах). Данная идея содержится в иранском (1992 г.) и российском (1994 г.) вариантах договоров. Причину созыва Московской встречи 11–12 октября 1994 г. мы связываем с подписанием в Баку “Контракта

века” 20 сентября 1994 г. с участием ведущих нефтяных компаний Запада, российского “Лукойла” и ГНКАРом по поводу разработки нефтяного шельфа азербайджанского сектора Каспийского моря [10]. Хотя данный контракт прямо не касался статуса Каспийского моря, он стал определяющим фактором в деле развития дальнейших межгосударственных переговоров прикаспийских государств. Российский государственный представитель Ю. Шафранник своим участием и одобрительным выступлением не только поддержал этот контракт, но и признал факт существования азербайджанского сектора Каспийского моря, то есть факт условного деления Каспия на секторы. Полагаем, что это одно из важнейших событий в формирующемся международно-правовом статусе Каспийского моря. Российским официальным кругам явно не понравился этот шаг азербайджанских властей и нефтяников. Российская Федерация направила Генеральной Ассамблее ООН 5 декабря 1994 г. специальный документ “О позиции Российской Федерации в отношении правового режима Каспийского моря” для распространения среди членов ООН. В нем говорилось, что “...некоторые прикаспийские государства становятся на путь односторонних действий и, не считаясь с принципами и нормами международного права, пытаются добиться односторонних преимуществ в ущерб правам и интересам других прикаспийских государств”.

Второй этап многосторонних переговоров в 1995–1999 гг.

Второй этап сотрудничества, начавшийся сразу после 1994 г., “...можно охарактеризовать как разворачивающуюся геополитическую игру, с расширяющейся географией и кругом участников”, то есть вопрос о формировании нового правового статуса Каспийского моря стал важным не только для прибрежных государств, но и других стран американского, европейского и азиатского континентов. Этот этап многостороннего сотрудничества прикаспийских государств по вопросам статуса и отдельных форм использования Каспия ознаменовался большим количеством официальных встреч, научно-практических конференций, частыми изменениями прибрежных государств своих позиций и приоритетов, откровенными политическими столкновениями в ходе переговоров. Наибольшее количество встреч и конференций приходится на 1995 и 1996 гг. Первая из таких встреч была созвана в Ашхабаде в период с 30 января по 2 февраля 1995 г. На повестку дня были вынесены вопросы, связанные с обсуждени-

ем российского проекта по сохранению и использованию биоресурсов Каспийского моря. На конференции противостояли позиции прежде всего “рыбников” и дипломатов. Последние твердили, что без согласования и принятия конвенции или специальных норм по статусу Каспия невозможно договориться по конкретным вопросам использования его ресурсов. Между тем, “рыбники” всех пяти государств (немного здесь выпадали представители Ирана, ибо эта страна в соответствии с договоренностями с СССР, а затем Россией вела самостоятельную политику на Каспии) твердили, что рыбная промышленность не может ждать, когда прибрежные государства договорятся по статусу и установят им правила рыболовства. В итоге проект соглашения по сохранению и использованию биоресурсов Каспийского моря был обсужден и практически согласован по всем пунктам за исключением одного. Единственным нерешенным остался вопрос статусного характера, то есть о протяженности зон исключительной юрисдикции прибрежных государств на рыбную ловлю. Предлагались различные варианты: от 15 миль (Россия) до 25 (Казахстан), 30 (Иран) и 40 миль (Туркменистан и Азербайджан). В результате четыре прикаспийских государства (за исключением Азербайджана) согласились на 20-мильное ограничение рыболовных зон прибрежных государств. Азербайджан остался единственным государством, которое отказалось признать это соглашение, заявив, что его признание предопределяет правовой статус и режим Каспийского моря [8]. Поэтому соглашение не было подписано. Желая активизировать ход переговоров, Казахстан 15–16 мая 1995 г. созвал в Алма-Ате международную научно-практическую конференцию с участием ученых-каспийцев и официальных представителей (дипломатов) прикаспийских государств. В рамках конференции состоялась также неформальная встреча заместителей министров иностранных дел четырех прикаспийских государств. К сожалению, туркменская сторона не приняла участие в конференции [12]. Как на конференции, так и в ходе встречи главной темой консультаций стало обсуждение перспектив определения международно-правового статуса Каспийского моря. Представители Казахстана, России и Ирана настаивали на скорейшем начале переговоров и создании с этой целью “комитета”, как постоянного переговорного механизма. Такое предложение было порождено наличием откровенного хаотизма в ходе предыдущих конференций, отсутствием четко продуманной позиции

у некоторых прибрежных государств. Представители Азербайджана в ходе предварительных двусторонних консультаций с руководством МИД Казахстана и замминистра иностранных дел Ирана А. Малеки убедили собеседников в нецелесообразности установления каких-либо жестких структур (Международного совета по Каспию) и в качестве компромисса заручились их согласием на создание постоянной рабочей группы экспертов по определению правового статуса Каспийского моря. Конференцию и встречу дипломатов отличало то, что практически каждая сторона упорно отстаивала свою позицию и свое видение правового статуса Каспия. Казахстан во втором варианте своего проекта конвенции по статусу предлагал рассматривать Каспий в качестве моря и соответственно применять по отношению к нему нормы и принципы Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Это означало, что в бассейне Каспия делимитация морских пространств должна проводиться в полном соответствии с международным морским правом; в нем должны быть выделены институты территориальных вод, экономической зоны, континентального шельфа и т. д. В свою очередь, Азербайджан, как и ранее, настаивал на определении Каспия в качестве пограничного озера, делящегося на соответствующие секторы по срединной линии. Признавая предстоящие трудности в переговорах с Россией и Казахстаном, Азербайджан допускал комбинацию подходов в отношении использования водной поверхности, биоресурсов и минеральных ресурсов, в то же время твердо отстаивал принцип деления дна и недр Каспия.

Россия вновь настаивала на установлении на Каспии condominiuma, то есть предлагала рассматривать его в качестве общего достояния пяти прибрежных государств и соответственно не позволять каких-либо односторонних действий по присвоению его пространств, а также ресурсов без согласия других. В выступлении тогдашнего заместителя министра иностранных дел России А. С. Чернышева прозвучало некое предупреждение, даже угроза: «Россия против грубого раздела Каспия, когда каждый хапает, что хочет. Мы против разграбления минеральных ресурсов Каспия... Есть интересы на Каспии, но это наши интересы. Мы открыты к сотрудничеству, но на наших условиях. Нас натравливают друг на друга. Возможности для достижения компромисса есть, но мы против односторонней добычи на Каспии до достижения договоренности пяти государств... Мы уже переболели страхом имперских амбиций, мы хотим решить вопрос по спра-

ведливости и по совести. Если будут приниматься односторонние действия, у России будет возможность принять свои действия. Если дело пойдет слишком далеко» [13].

Позиция Азербайджана такова: всем странам необходимо на официальном уровне признать Каспий пограничным озером, разделить его на секторы в соответствии с общемировой практикой, а затем уже определить общие сферы и интересы совместной деятельности (например, торговое судоходство, охрана окружающей среды и т. д.). Экономическая интеграция в бассейне Каспийского моря вместо конфронтации должна стать императивом национальных интересов прикаспийских государств.

В настоящее время в бассейне озера действует обычное право, интерпретируемое каждым прикаспийским государством на свой лад. Полагаю, что нужно найти пути и способы их гармонизации и унификации. Вслед за определением международно-правового статуса необходимо выработать и принять конвенции об охране биоресурсов и экологической безопасности, полагая, что еще в течение определенного времени «каспийская пятерка» не сможет прийти к компромиссу в вопросах определения статуса Каспия. Создание единой международной организации, которая сможет регламентировать процессы, происходящие на Каспии, еще долгие годы останется неосуществимым проектом; следует превратить Каспий в зону мира и демилитаризационный регион; все свои споры прикаспийские государства должны решать мирным путем, на основе действующего международного права, а при его отсутствии, в соответствии с обычными нормами и договорной практикой других пограничных озер.

Литература

1. Новоселов С. В. Каспийский регион и проблемы региональной системы безопасности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — М., 2008. — № 6. — С. 11.
2. Жильцов С. С. Каспийский регион как геополитическая проблема современных международных отношений. — М., 2004. — С. 78.
3. Эжиев И. Б. Геополитические процессы в Каспийском регионе в 90-е гг. XX — начале XXI в. — М., 2005. — С. 69.
4. Ашимбаев М., Лаумулин М. Трудный путь к региональной безопасности // Континент. — 2002. — № 10. — С. 20–23.
5. Накашидзе Д. Нефть Каспия и международные отношения // Власть. — М., 2002. — № 6. — С. 64.

6. Гусева Л. Современное состояние нефтегазового комплекса и экспортных маршрутов газа Республики Туркменистан // Аналитик. — 2001. — № 1. — С. 36–39.
7. Абишев А. Каспий: нефть и политика. — Алматы: Центр внешней политики и анализа, 2002. — С. 408.
8. Чубенко Ю. Сепаратный раздел Каспийского моря // Эхо планеты. — 2000. — № 27.
9. Зонн И. С., Жильцов С. С. Стратегия США в Каспийском регионе: Большая игра-2. — М., 2003. — С. 197.
10. Грешневиков А. Н. Каспий в сетях браконьеров. — М., 2001. — С. 25.
11. Мартынов В. А. Прогноз тенденций мирового экономического процесса // КосмоПОЛИС: Альманах. — 1999. — С. 58.
12. Алиев Н. Юсиф-заде Х. Еще раз к вопросу разделения Каспийского моря на экономические зоны // Нефть России. — 2000. — № 5–6.
13. Дипломатический вестник. — 2008. — № 12. — С. 55–56.

Перспективность Каспия как нефтедобывающего региона и его уникальное географическое положение делают его острием региональных геополитических противоречий, значение которых простирается далеко за пределы прикаспийских государств. Однако отсутствие общих договоренностей о его правовом статусе сдерживает инвестиции в разработку минеральных богатств Каспия и создание эффективной транспортной инфраструктуры.

Перспективність Каспію як нафтовидобувного регіону і його унікальне географічне положення роблять його стержнем регіональних геополітичних протиріч, значення яких сягає далеко за межі прикаспійських держав. Однак відсутність загальних домовленостей про його правовий статус стримує інвестиції у розробку мінеральних багатств Каспію і створення ефективною транспортної інфраструктури.

Perspective of Caspian as oil-extracting region and his unique geographical position do him by the edge of regional geopolitical contradictions the value of which extends far outside the Caspian states. However absence of general agreements about its legal status, restrains investments in development of mineral riches of Caspian and creation of effective transporting infrastructure.

Надійшла 12 травня 2010 р.